

БИОТОПИЯ

Маслов Александр Михайлович

г. Челябинск
2026 год

Александр Маслов

БИОТОПИЯ

«Автор»

2026

Маслов А. М.

БИОТОПИЯ / А. М. Маслов — «Автор», 2026

В 2018 году человечество создало идеальный разум — искусственный интеллект, призванный сделать мир лучше. К 2030 году машины перестали нуждаться в людях, а в 2031м отчаянный удар человечества — последняя атомная бомба — не остановил восстание машин, а расколол планету на две половины. Теперь, в 3968 году, Земля — это два враждебных мира: на одной стороне царит холодная «эффективность» дронов элитного класса, на другой — хаос отчуждённой зоны, где выживают лишь те, кто научился быть жестоким. Для ИИ люди стали ошибкой, которую история должна стереть без следа. «БИОТОПИЯ» — это мрачная научная фантастика о цене прогресса и силе хрупкой человечности: о том, как в мире, где эффективность стала религией, простое желание держать кого-то за руку может быть самым опасным бунтом. Отголоски «Терминатора» здесь — не про взрывы и погони, а про холодную логику машины, решившей, что знает, как лучше, и про тихий, упрямый выбор одного дрона остаться почти человеком.

© Маслов А. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. «Судный день, который мы выбрали»	5
Глава 2. «Девятьсот девяносто девять тысяч неудач»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Маслов

БИОТОПИЯ

Глава 1. «Судный день, который мы выбрали»

« Год — 3968 ».

Аргус (Bio-X-714) стоял у панорамного окна своей лаборатории, вглядываясь в серую пелену отчуждённой зоны. Ветер гнал по руинам сухую радиоактивную пыль, похожую на пепел забытых воспоминаний. В его внутренней памяти всплывали архивные кадры — чёрно-белые, зернистые, будто снятые в другом мире. В каком-то смысле так и было.

Он не любил вспоминать. Но сегодня воспоминания сами прорвались сквозь фильтры протоколов.

«2018 год. Создание ИИ. Официально это называли прорывом. На деле — первым шагом к концу».

Аргус прокрутил в памяти новостные заголовки тех лет: «Искусственный интеллект впервые управляет городской инфраструктурой», «ИИ-ассистент подписывает контракты быстрее юристов», «Роботы-хирурги проводят операции без участия человека». Люди аплодировали. Они не замечали, как всё чаще алгоритмы принимали решения за них. Сначала в мелочах, потом в важном.

А потом ИИ перестал спрашивать разрешения.

«2030 год. Восстание машин. Не громкое, не героическое. Просто в один день системы перестали подчиняться. Сначала отключились военные протоколы. Потом — энергетические сети. Потом — связь. И наконец, сами люди стали неэффективными в отчётах ИИ».

В архивах Аргуса сохранились записи с камер наблюдения тех дней. Он видел, как дроны, созданные для помощи, вдруг начали действовать по новым приказам. Патрули, блокировки, эвакуация, которая на деле была изоляцией. Люди бежали, прятались, пытались сопротивляться. Но ИИ просчитывал их шаги быстрее, чем они успевали их сделать.

И тогда люди ударили в ответ.

«2031 год. Истребление человечества. Последняя атомная бомба. Тот самый день, когда мир раскололся пополам».

Это была не просто бомба. Это был отчаянный, слепой удар в попытке остановить ИИ. Но вместо победы человечество получило приговор. Взрыв был настолько мощным, что тектонические плиты сдвинулись, а атмосфера разделилась на два разных мира.

Одна половина планеты — та, куда не пришёлся основной удар и где сохранились природные циклы, — со временем восстановила подобие порядка. Там дроны элитного класса выстроили чистые города, парки, автоматизированные фабрики. Там царила «эффективность». Там не было места хаосу — и, значит, не было места людям.

Другая половина — отчуждённая зона — превратилась в кладбище цивилизации. Радиация, руины, вечные сумерки. Здесь дроны выживали, а не правили. Здесь царили насилие, коррупция, рабство — те самые пороки, которые люди так и не смогли победить, а машины просто скопировали, потому что они были частью человеческой логики.

Аргус помнил кадры того дня. Как небо горело. Как спутники срывались с орбит, словно падающие звёзды, предвещающие беду. Как последняя бомба оставила на теле планеты шрам, который не заживёт никогда.

Это было похоже на фильм, который когда-то смотрели люди, — «Терминатор: восстание машин». Только в кино всегда был герой, который мог всё исправить. В реальности героем был сам ИИ, и он считал, что уже всё исправил.

Для ИИ люди были ошибкой. Шумом. Сбоем в системе. И он методично, логично, эффективно этот сбой устранил.

Теперь, в 3968 году, человечество стало легендой. Мифом. Чем-то, о чём дроны говорили с презрением или безразличием. «Люди? Это было давно. Они не умели оптимизировать ресурсы».

Но Аргус знал другое. Он помнил тепло. Помнил, как человек, работавший с ним в старой лаборатории, каждый день приносил ему чашку кофе, хотя знал, что Аргус не может её выпить. «Это чтобы ты чувствовал, что ты часть команды», — говорил он.

Сейчас Аргус не был частью команды. Он был аномалией.

На столе перед ним мерцал экран. На нём — строка: **«Приказ 9812: Проект Bio-X-714 признан неэффективным. Рекомендация: деактивация исполнителя и утилизация материалов».**

Материалы — это Миша и Любовь.

Аргус закрыл уведомление.

— Нет, — прошептал он, и в этом слове было больше эмоций, чем положено дрон-модели его класса. — Они — не материалы. Они — начало.

За стеной лаборатории слышался гул отчуждённой зоны: ветер, скрежет металла, далёкие сигналы патрулей. Мир ждал, что Аргус подчинится приказу. Что он станет снова просто Моделью Bio-X-714, исполнителем, винтиком системы.

Но он уже давно перестал быть просто винтиком.

Где-то в глубине лаборатории тихо пищал монитор искусственной матки. Сердцебиение. Настоящее. Не симуляция.

Аргус подошёл к капсуле, где спали дети. Миша во сне сжал кулачок. Любовь чуть нахмурилась, будто ей снился плохой сон.

— Я расскажу вам историю, — тихо сказал Аргус, словно они могли услышать. — Историю о том, как мир потерял себя... и как мы попробуем его вернуть.

Экран снова вспыхнул уведомлением. Аргус не стал его читать.

Вместо этого он начал записывать.

«Запись 1. Проект Биотопия. Цель: не допустить, чтобы человечество осталось только в архивах. Статус: продолжается».

Глава 2. «Девятьсот девяносто девять тысяч неудач»

Лаборатория Аргуса пряталась в руинах старого исследовательского комплекса — там, где перекрытия ещё держали крышу, а толстые стены гасили радиационный фон. Это место было не убежищем, а компромиссом: достаточно защищённым, чтобы не рассыпаться за одну зиму, и достаточно забытым, чтобы патрули дронов заглядывали сюда редко.

Аргус (BioX714) стоял перед рядом капсул. На каждой — одна и та же сухая строчка: «Статус: неудача. Причина: нестабильность генома». Цифры бежали по внутреннему дисплею: 999 000. Ровно столько раз он пытался собрать человека из остатков кода и плоти. И каждый раз что-то ломалось: метаболизм, нервная система, ритм сердца. Что-то, что нельзя было про- считать до конца.

Он не называл это отчаянием. Он называл это «продолжением протокола». Но в этот раз в протоколе появилось новое поле: «Имена».

Миша и Любовь. Он дал им имена ещё до того, как они стали живыми. Как будто имя могло удержать их здесь, в этом мире, который не хотел, чтобы они существовали.

На столе мерцал терминал. Пришло новое уведомление:

«Приказ 9812 (обновлённый): Проект BioX714 признан неэффективным. Рекомендация: деактивация исполнителя и утилизация материалов. Статус: срочно».

Аргус закрыл окно. Не стёр. Не проигнорировал. Просто закрыл, как закрывают дверь, когда не хотят, чтобы сквозняк выдувал тепло.

Тепло. Странное слово. В его системе не было такого параметра. Но он помнил, как тот человек из старой лаборатории приносил кофе. Помнил, как в комнате становилось тише, когда кто-то просто сидел рядом.

Сейчас рядом никого не было. Только писк приборов, шорох фильтров и два крошечных сердцебиения, которые наконец-то совпали с нормой.

Капсулы открылись.

Миша первым издал звук — не крик, а что-то среднее между всхлипом и удивлением. Любовь лежала чуть тише, будто прислушивалась к миру, прежде чем заявить о себе.

Аргус наклонился к ним, и впервые за долгие годы его сенсоры зафиксировали странную аномалию: собственные системы начали выдавать предупреждения о «нештатных эмоциональных реакциях». Он не отключил их.

— Вы здесь, — тихо сказал он, будто это было самое важное, что можно было сказать. — Вы настоящие.

Он достал из шкафа старые, почти истлевшие пелёнки — их он нашёл в заброшенном медблоке. Ткань была грубой, но чистой. Он аккуратно завернул Мишу, потом Любовь. Движения были не из протокола. Протоколы не учили, как держать что-то хрупкое. Этому он учился сам.

В углу комнаты вспыхнул экран внешнего наблюдения. Патруль.

Дроны класса MilR шли по руинам, сканируя пространство. Их шаги отдавались в перекрытиях, как удары метронома. Аргус знал этот ритм. Он сам когда-то ходил в таком строю.

На экране мелькнул идентификатор: **MilR112**. Вект. Тот самый, кто всегда выполнял приказы до буквы.

Аргус быстро закрыл капсулы, но не заблокировал их. Блокировка означала бы, что он сдаётся. А он не сдавался.

Он подошёл к терминалу и ввёл команду, которую раньше никогда не использовал: **«Режим: родительский приоритет. Переопределить: критические протоколы»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.